

Станица Новодмитриевская

Автор: Плотникова В.Б., 2024 г., г.Краснодар

*Крест на шее и шашка сбоку –
нескоро быть смертному сроку.
(Казачья пословица)*

Летом 1860 года на равнине между Адагумом и Белой (на реках Иль, Шебш и притоке Фарса реке Псыфир), у подножия гор было возведено несколько передовых укреплений: Ильское, Григорьевское (в честь генерала Филипсона) и Дмитриевское - в честь генерала Дмитрия Алексеевича Милютина - начальника главного штаба Кавказской армии. В значительной мере, именно ему русская армия обязана успешным завершением Кавказской войны (в 1859–1860 гг. Дмитрий Алексеевич принял личное участие в решающих боевых операциях в Северном Дагестане и на Кубани, в том числе, в военной экспедиции по пленению Шамиля в ауле Гуниб). Вдоль линии этих укреплений, между ними и Главным Кавказским хребтом, солдатами Кавказской армии была прорублена просека шириной в одну версту и длиной в 74 версты, открывавшая обзор в сторону гор, возведены мосты через реки. Недалеко от Дмитриевского укрепления после окончания Кавказской войны в середине 1864 г. и была основана станица, получившая название Новодмитриевская.

Основателями станицы стали оренбургские казаки и государственные крестьяне из различных областей Российской империи, переселившиеся на новые земли добровольно, по своей охоте, поэтому их называли охотники-переселенцы. Среди переселенцев оренбургских казаков были и мои предки - семья Походиловых - четверо взрослых и трое детей, главе семейства Якову было 63 года, самому младшему Николаю (моему прадеду) – 2 года.

По приезду все охотники-переселенцы были зачислены в Кубанское казачье войско.

Прибыв на новое место жительства, переселенцы получили плановые места (планы) для своих будущих усадеб. По существовавшему в те времена общему правилу для удобства охраны и защиты станицы от возможных нападений, ее селили тесно, плановые места были небольшие. На некогда пустынном месте мало-помалу начали вырастать казачьи хаты. До этого жили в наскоро вырытых землянках или сделанных из жердей шалашах, покрытых скошенной на своем же плану травой. Строительство саманных, турлучных хат полковое начальство не позволяло, необходимо было строить

рубленные деревянные дома. Предполагалось, что с течением времени, когда станица начнет расширяться, можно будет рубленные постройки переносить на другое место. За постройкой станицы наблюдали очень внимательно, командир Псекупского полка ежемесячно собирал сводки по количеству домов с законченным и начатым строительством. Строили казаки сами, и к зиме был готов 121 дом, кто не успел, временно помещался у соседа. Зимовать же всем пришлось в сырых постройках.

Одновременно приступили к корчевке леса и пустошей, заросших кустарниками, для подготовки участков под пашню и выгул скота. Срубленный лес шел на дрова, а излишки возили продавать в город, при этом с каждого воза взималась пошлина, которая шла в общинную кассу станицы. В архивных документах сохранилась станичная шнуровая книга, где в частности отмечено, что в августе 1867 г. за один воз дров пошлина составила 10 коп [1].

В лесах, окружавших станицу, водились дикие кабаны, которые устраивали набеги на посевы, были также и волки, нападавшие на домашний скот. Из-за нехватки патронов жителям приходилось устраивать целые облавы для уничтожения хищников.

Несмотря на то, что перед переселенцами продвигались войска, вытеснявшие враждебных горцев, полного умиротворения края не было достигнуто. Эта задача возлагалась на переселенцев, им приходилось не только заниматься обустройством, но и нести внутреннюю службу по защите станицы (от службы в войсках они были освобождены на 3 года). Внутренняя служба предписывала им держать посты, делать ночные обходы, поставлять подводы для войсковых и казенных надобностей, дежурить при станичном правлении, служить вестовыми у станичного начальника, священника, отставных офицеров.

Казаки столкнулись с необходимостью жить в совершенно незнакомых условиях, при постоянной военной опасности, отсутствии медицинской помощи, что приводило к высокой смертности, в том числе среди детей.

Первые три года после переезда переселенцы находились на денежном и продуктовом довольствии, т.к. обеспечить себя за счет собранного урожая еще не могли. Довольствие это было скудное, зимой цинга приняла такой повальный характер, что руководство Псекупского полка дополнительно организовало снабжение населения квашеной капустой и овощами. Однако, на общем фоне соседних с ней станиц, Новодмитриевская была более благополучной в части законченного строительства домов и распространения болезней.

Особое место среди местных болезней занимала малярия, которая свирепствовала на Кубани два раза в год - весной и осенью. Вплоть до XX в. эта болезнь уносила сотни людей, вымирали иногда целыми семьями. Распространению малярии способствовал теплый климат и множество болотистых низин, заросших камышом (плавни), образованных в результате разливов Кубани, которая в иные годы затапливала левый берег на 10-12 верст. Только потомки переселенцев более или менее акклиматизировались и стали меньше подвержены этой болезни, чему также способствовали осушение плавней и распашка земель.

В рапорте войскового доктора Кубанского казачьего войска, совершавшего объезд станиц Псекупского полка в декабре 1864 г., отмечено, что в Новодмитриевской из 982 жителей мужского и женского пола только семеро больны перемежающейся лихорадкой. Доктор также проинспектировал пищу станичников: "попробовал черного хлеба, кашицу из казенного провианта, капусту и бураки квашеные "[2].

Большой проблемой были пути сообщения между станицами Закубанья и городом. В первое время лавок в станицах не было, за всякой хозяйственной мелочью нужно было ехать в город. Дороги шли лесом, по ухабам и выбоинам. Чтобы попасть в Екатеринодар, нужно было переправиться через Кубань. Переправы ждали по недели и больше, на берегу собиралось много народу, устанавливалась очередь. Перевозчики, пользуясь спросом на свои услуги, взвинчивали цену, хотя официально она была установлена всего 10 коп. Нередко можно было видеть такую картину: казак переправляется на лодке, а лошадь вслед плывет через Кубань. До окончания строительства моста через реку, поездка в город продолжалась не менее двух недель, поэтому полученный урожай негде было сбыть. Пшеницу часто возили продавать в Новороссийск - почти за 100 верст, так как нужда в деньгах была огромная.

С течением времени улучшились дороги, уже легче было сбыть излишки урожая, в районе появились в достаточном количестве лавки и мельницы.

Немало неприятностей доставляла река Шебш, огибающая станицу с юга. Как и все реки предгорий, она имеет вполне безобидный вид, но довольно подлый характер. При обильных осадках в горах река может за пару часов превратиться в мощный поток, выйти из берегов и снести на своем пути все преграды. Паводок чаще всего происходит в осенне-зимнее или весеннее время.

Казенный мост через реку Шебш, построенный солдатами Кавказской армии, находился при бывшем укреплении Дмитриевском ниже станицы.

Мосты имели важное стратегическое значение, поэтому приказ по Кубанскому казачьему войску от 12.10.1865 г. за подписью командующего войском Сумарокова-Эльстона гласил, что *«при каждом мосту должен находиться постоянный караул из станичных жителей, днем и ночью, на обязанности которого лежит наблюдение за целостностью частей моста и за порядком движения через мост обозов»* [3]. Шебш не замедлил проявить свой буйный нрав в январе 1866 г., когда напором воды сорвало 4 сажени (8,5 м) настила и вырвало один свод моста. В начале декабря этого же года в результате сильных дождей и шквалистого ветра из берегов вышли Псекупс, Шебс и Афипис. Станицы Бакинская и Георгие-Афипская были частично затоплены, 3 человека погибли, многие хозяйства лишились волов, лошадей, домашней птицы. Новодмитриевскую наводнение обошло стороной, а мост, хоть и лишился в трех местах настила, все же устоял.

В январе и ноябре 1867 г. все повторилось сначала в несколько меньших масштабах, но Шебс все же вырвал свод моста, унес доски настила, повредил и расшатал сваи.

В таких условиях к обязанностям станичников помимо визуального «наблюдения за целостностью частей моста» добавилось еще одна казенная повинность – регулярное вылавливание в холодной воде унесенных деталей моста с последующим ремонтом. Эти работы производились собственными силами казаков с использованием хозяйственных ресурсов станичного общества, за счет казны восполнялись только денежные средства, потраченные на приобретение таких материалов, как скобы, гвозди, железо.

Мост пережил несколько подобных ремонтов, скрипел, шатался, но стоял вплоть до 23 января 1868 г. А в ночь с 23 на 24 января сильным напором воды со льдом мост снесло полностью. О чем начальник станицы Казимир Тышецкий не замедлил доложить командиру Псекупского полка, отметив, что мост *«средствами станицы исправлен быть не может. Как только начнет упадать вода, будут приняты меры к отысканию унесенного моста и всех материалов»* [4].

За несколько месяцев до этого события уже было принято решение о постройке нового моста у станицы Новодмитриевской, составлен его проект и смета. Войсковое начальство рассудило, что поскольку жители близлежащих станиц (Ставропольской, Смоленской, Калужской, Георгие-Афипской) заинтересованы в наличии моста, то должны вместе с новодмитриевцами внести свой вклад в его строительстве. На них была возложена задача по «выготовлению» и доставке на место склада дубовых бревен для будущего моста. Иными словами, требовалось найти подходящие дубы, срубить их, очистить от веток и организовать доставку. В частности,

жителям Новодмитриевской, имевшим 163 двора, надлежало доставить 75 дубовых бревен, из них:

длиной 3 сажени (~ 6,5 м), толщиной 6 вершков (~ 0,26 м) – 35 шт.

длиной 4 сажени (~ 8,5 м), толщиной вершков (~ 0,22 м) – 40 шт.

К осени общими усилиями всех станиц план по бревнам был почти выполнен, 354 бревна доставили к месту бывшего моста и сдали под расписку. Бревна уложили ярусами возле обрывистого речного берега в, казалось бы, безопасном месте - нижний ярус находился на 17 м выше бывшего причала.

Да вот только осень выдалась дождливая. Уже 15 ноября 1868 г. хорунжий Тышецкий, не скрывая досады, пишет новый рапорт о вероломстве Шебша: *«Из числа выготовленного для постройки моста на р.Шебш леса, утекло водою 110 штук бревен разной величины. Когда вода спала, то посланная команда нашла вниз по течению 27 бревен, которые будут привезены, когда установится погода. Выготовленный лес был сложен близ бывшего причала моста на довольно высоком месте, где в прошлые годы вода не выходила из берегов и такого сильного наводнения в прошлые годы не было»* [5]. Строительство было временно отложено, но позднее свайный мост все же был построен.

Главная надежда переселенцев на плодородную кубанскую почву не оправдалась. Земля для распашки в этом районе оказалось тяжелой. Во время дождей она быстро раскисает и уплотняется, а высыхая, превращается в плотную, как камень, массу и растрескивается, разрывая при этом корни растений. И две пары волов с трудом тащили здесь деревянный плуг, а для пахоты целинной земли требовалось до 5 пар волов. Хозяев, имеющих такое количество волов, было немного, поэтому остальным приходилось объединяться и обрабатывать землю в «супряге», т.е. совместно несколькими семьями.

Ранней весной, в марте-апреле, в зависимости от состояния почвы, начинали распашку земли под яровые; осенняя вспашка производилась в сентябре-октябре. Пахота, боронование и посев считались исключительно мужской работой, но если в семье было мало мужчин, им помогали женщины и дети. Посевом зерновых, требовавшим навыка, обычно занимались старшие в семье мужчины.

С первых чисел мая начиналась прополка; мотыга (сапа) почти не выпускалась из рук и попеременно применялась на бахчах, в огородах, в поле. Пололи гуртом — всей семьей, но поскольку на май часто назначались лагерные сборы, вся тяжесть работы обычно падала на женщин. В конце мая

- начале июня занимались уборкой сена. Сенокосение считалось мужской работой, однако почти во всех казачьих семьях косой владели и женщины.

Наиболее напряженным периодом была уборка зерновых. В конце июня - начале июля поспевали озимые, во второй половине июля — яровые. Позднее начиналась уборка проса, подсолнечника, кукурузы. В уборке участвовали все — взрослые, подростки, старики. При господствовавшей в то время примитивной земледельческой технике работать приходилось от зари до зари. После уборки хлеба начиналась молотба, нередко затягивавшаяся до самой зимы.

В первое время урожаи были хорошие, да и земли было достаточно, но постепенно с увеличением численности населения станицы (за счет естественного прироста и притока иногородних) и истощением почвы земельный вопрос обострялся, что было характерно не только для Новодмитриевской. «Ждали землицы, а получили петлицы», - горько шутили кубанские казаки, когда в 1908 г. их наградили «за верную и ревностную службу» серебряными галунами на мундиры.

Истории получения дополнительных наделов у меня посвящен отдельный очерк. Здесь же приведу только выдержку из приговора станичного сбора, в котором станичники излагают доводы для получения дополнительного юртового надела:

Приговор № 155

1902 года декабря 1-го дня,

...Почему надел нашей станицы отнесен к 1-ой категории, несмотря на то, что более неудобной земли для ведения сельского хозяйства едва ли есть во всей степной Черномории одного с нами войска, где между прочим не редкость встретить станицы наделенные по 3-ей категории и каждый казак этих станиц пользуется паевым наделом в 12-15 десятин, помимо общей толочной (прим.: земля для выгона скота, от слова толочь, топтать), а в иных и сенокосной земли. Арендная стоимость такой земли от 10-15 рублей десятина в год и в итоге получается довольно солидная для казака сумма 120-200 руб. в год. Мы же имея всего по 5 десятин, выделяемой в пай для душевого пользования, земли, заросшей терном с глинистой почвой, дающей в лучшие урожайные годы только половинный противу Черноморской земли урожай. Арендная же плата за нее, беря во внимание корчевку, выражается от 1 руб 50 коп. - 3 руб. и то на несколько лет и в итоге годовой доход от этого найма 7 руб.-15 руб.

Сенокос наш помимо малого его количества, неудобства его уборки по случаю проросшей терна и прочего чагарника, который в иные годы дает побег трудно скошимой толщины, ко всему сказанному еще прибавляется получаемое сено такого качества, что даже на городском базаре оно оплачивается только половинной ценою противу черноморского. Толочная земля у нас это не богатые черноморские станичные выгоны, а пересеченная площадь, покрытая густым терном, чагарником и удобная только разве для хищников, обитающих в ней в достаточном количестве. Наша же лесоторговля отошла уже в область предания, потому последнее десятилетие станице нашей приходилось самой

покупать нужный лес, дополнительный же наш лесной надел, который нам достался после отказа от него других станиц до сих пор дает нам одни расходы по его обережению, да и в будущем по неудобству путей сообщения не может представить из себя большой доходной для нас статьи. Отказавшиеся же от него станицы получили превосходный надел в Черномории и, эксплуатируя его со дня получения, приобрели себе в общественные кассы десятки тысяч, мы же, получив наш неудачный для нас дополнительный надел продолжаем нанимать у соседей пахотную и сенокосную землю от 8-10 руб. за десятину, а бедность нашего общественного дохода дошла до того, что мы вынуждены были обложить себя же посаженной платой за усадьбы наши и огороды, дабы хватало на пополнение расходов по общественным нуждам. Определили: на основании вышеизложенного просить сим приговором Высшее Начальство обратить внимание на нас бедствующих закубанцев и, войдя в положение тягостных нужд наших, особенно при современной дороговизне, отменить несправедливо сделанную ранее таксацию надела нашего и переместить станицу нашу в одну из высших категорий по количеству подушных десятин общего юртового надела. [6]

Как следует из архивных и иных источников, Новодмитриевская не относилась к числу зажиточных станиц, население ее, конечно, не было однородно, но основная масса станичников жила, по кубанским меркам, бедно: голода не испытывали, но и не имели сбережений на черный день. Что получал казак от продажи урожая, то он и тратил в течение года, от посева до посева. Определенный доход приносила сдача в аренду тех земельных участков, которые располагались, как правило, на значительном расстоянии от станицы, что затрудняло их обработку. Но в то же время, зачастую, приходилось и самому становиться арендатором находящейся поблизости чужой земли.

Земля была основой благосостояния казака, и он работал на ней, не щадя себя и своей семьи. Если же случалось несчастье: пожар, воровство, то он долго не мог оправиться, залезал в долги. Особенный урон хозяйствам причиняли кражи домашнего скота, в них, как правило, обвиняли жителей соседних со станицей аулов, доходило и до судебных разбирательств. Из архивных материалов, содержащих жалобу казака станицы о похищенных у него быках, известно, что в 1901 г. пара быков стоила 100 руб. [7], а без них ведь поле не вспашешь.

Жизнь казака делилась в то время на две части: одну часть он проводил в поле, занимаясь крестьянским трудом, другую - на службе. Каждый казак станицы, достигший 17-летнего возраста, получал из общественной земли душевой паевой надел и примерно с этого же возраста начинал службу как малолеток, а с 20-ти лет принимал присягу и начинал службу в 1-м Екатеринодарском полку. В то время номер полка соответствовал очередности службы, так, в 1-м полку служили первоочередники возрастом

от 21 до 26 лет, призываемые на действительную службу в мирное время, во 2-м полку - казаки второй очереди, возрастом от 26 до 30 лет, призываемые в военное время, и в 3-м полку служили казаки третьей очереди, призываемые в военное время при необходимости.

По общему правилу комплектование армейских казачьих частей производилось так, чтобы в каждый полк поступали казаки из одних и тех же станиц и хуторов. В связи с этим в сотнях между казаками были тесные дружественные или родственные связи, что, в совокупности со сложившимися традициями, отличало их высокой стойкостью и взаимовыручкой в бою. Ведь любая оплошность, равно как и доблесть, становилась известна всей станице.

Станичный сбор сам распределял казаков на пеших и конных: более состоятельные шли в конные, бедные - в пешие. Снаряжение для службы казаки приобретали за свой счет, снаряжение конного было в 2,5 раза дороже, чем пешего. За некоторое время до ухода на службу молодой казак освобождался от ежедневной работы по хозяйству и был занят подготовкой снаряжения. Отсутствие или негодность какого-либо необходимого предмета при проверке новобранца станичным атаманом за несколько дней до проводов, наказывалось словесным выговором казаку и его родителям (в первую очередь - отцу), и все требования к снаряжению беспрекословно выполнялись в кратчайшие сроки. Только в 38 лет казак выходил в отставку, но при этом зачислялся в ополчение сроком на 10 лет и уже в 48 лет совершенно освобождался от службы. Получалось, что служил казак почти всю жизнь.

Снаряжение на службу ложилось тяжелым бременем на казачье хозяйство. На помощь приходило станичное общество, которое выдавало ссуду на приобретение снаряжения, а долг оплачивался за счет аренды паевой земли этого казака.

С годами население станицы росло: в 1882 г. в ней проживало 1570 человек (238 дворов), в 1900 г. – уже более 3 тысяч человек (485 дворов), причем преобладало казачье сословие – 68%.

Уже в 1865 г. усердием прихожан была построена временная Успенская церковь. Здание церкви было деревянное, без колокольни, колокола разместили на четырех столбах, обшитых досками. В течение 1886-1888 гг. построилась новая церковь, была она также деревянная, но на каменном фундаменте. Кубанское казачье войско выделило на постройку 9 тысяч рублей, остальные средства – 10 тысяч 850 рублей поступили от прихожан станицы. После освящения новой постройки временная церковь

была разобрана и из нее выстроили станичную школу, а здание старой станичной школы перешло церковно-приходской школе.

Были в станице две водяных и одна ветряная мельницы, лавки и питейное заведение. Часть общественной земли станицы была отдана в аренду туркам под табачные плантации. Земли и климат предгорий Кубани оказались благоприятными для выращивания табачной культуры. На степных и черноземных почвах табак получался грубый, низкого качества, а на землях, вышедших из-под леса, получался продукт нежный, хорошего цвета и отличного качества, хотя и меньшей урожайности. Здесь разводили высокосортный папиросный табак, который называли турецким или восточным. К нему относились желтые табаки типа «трапезонд» и «самсун».

Сразу же после освоения закубанских земель англичане начали строительство грандиозного по тем временам проекта – Индо-Британской телеграфной линии «Лондон-Дели», протянувшейся от Великобритании через Европу и Россию в Индию. По территории Кубани линия шла от Ростова-на-Дону до Екатеринодара, затем по землям нынешнего Северского района (Новодмитриевская – Григорьевская – Тхамаха) и дальше на Джубгу и Сочи. Вплоть до Гражданской войны стояли на наших полях чугунные столбы с литыми надписями «SIEMENS BROS LONDON». Потом их демонтировали, но часть и ныне можно встретить во дворах запасливых станичников в составе заборов, опор для винограда и антенн.

Следует также отметить, что предгорья Кубани оказались богаты нефтью. Именно здесь, в станице Крымской (в 80 км от Новодмитриевской) и была пробурена первая в России нефтяная скважина, из которой в феврале 1866 г. забил фонтан нефти.

В Краснодарском архиве не сохранились документы станичного правления Новодмитриевской, по всей вероятности, они были утрачены в период оккупации. Именно эти документы могли бы стать ценным источником информации о жизни станицы и о наших предках, остается только сожалеть, что они нам уже недоступны.

Наверное, нет такого значительного события в истории нашей страны, которое напрямую не коснулось бы станицу в двадцатом веке. В Гражданскую войну через нее прошел знаменитый Ледяной поход генерала Корнилова, позже ее жители в полной мере испытали расказачивание, коллективизацию, фашистскую оккупацию.

При освобождении Северского района от фашистов в 1943 г. самые ожесточенные бои шли под ст.Новодмитриевской близ хутора Аульная балка, они начались 20 января. Окончательно немцев выбили из станицы

только в ночь на 13 февраля. Потери наших войск под станицей составили около 1800 солдат, известны имена 1538 павших.

Войны 20-го века также не обошли стороной моих предков и их родственников: Моисей Тараканов был призван на службу в Первую мировую войну, Дмитрий Походило служил в Красной армии в Гражданскую, Иван Походилов участвовал в финской войне и погиб в Великую Отечественную, сражались на фронтах Великой Отечественной войны Иван, Федор и Григорий Таракановы.

Примечание:

[1] ГАКК – Ф.351, Оп.1, Д. 197

[2] ГАКК – Ф.252, Оп.2, Д.1458, с.141

[3] ГАКК – Ф.351, Оп.1, Д.76, с.1

[4] ГАКК – Ф.351, Оп.1, Д.76, с.95

[5] ГАКК – Ф.351, Оп.1, Д.76, с.161

[6] ГАКК – Ф.574, Оп.1, Д.3894, с.159-160

[7] ГАКК – Ф.454, Оп.2, Д.1211

Использованы сведения из кн. Станица Северская Екатеринодарского отдела Кубанской области, И.Ф. Миронов, Екатеринодар, 1914 г.